

С. 2-3, мѣсяца

ЗАМѢТКИ И КАРТИНКИ.

Иванъ Федоровичъ Горбуновъ на обѣдѣ балетристовъ.

11-го января, я получилъ следующую записку:

«Уважаемый Переселенецъ!

Завтра 12-го января балетристы, въ числѣ которыхъ будутъ Невпроничъ-Данченко, Чеховъ, Тихоновъ, князь Волконскій, Атава и др., рѣшили пообѣдать въ Маломъ-Ярославцѣ, въ 6 часовъ. Мы просимъ васъ, разделить съ нами скромную трапезу.

«А. Чеховъ».

«А. Ясинскій».

Польщенный Переселенецъ въ назначенное время въ назначенномъ мѣстѣ былъ налицо, но ощутилъ нѣкоторое смущеніе. Въ числѣ «другихъ» оказались Суворинъ, Григоровичъ, С. Максимовъ, Горбуновъ, все имена достаточно пзвѣстныя. Всѣхъ собралось восемнадцать человекъ. Трапеза вна-

чалъ оказалась тоже не особенно-то «скромной», потому что предъобѣденная закуска представляла довольно точную копію съ той, которая подавалась на пирахъ Лукулла. — Но тревога была ложная: собственно трапеза послѣдовала дѣйствительно скромная.

Закусили, перешли въ другую комнату, усѣлись. Чеховъ, стройный, высокій молодой человекъ, съ вдумчивыми большими глазами, которые время отъ времени при улыбкѣ, вдругъ зажигались доброй, юношеской радостной веселостью. Григоровичъ, высокій, сѣдой, живой и подвижный, съ быстрымъ взглядомъ маленькихъ свѣтлокарихъ глазъ. Полусядой, съ большимъ вынуклымъ лбомъ, довольно полный Суворинъ, осматривающійся, то сверхъ очковъ, то из-подъ нихъ, то мимо нихъ вбокъ, умнымъ и пристальнымъ взглядомъ. И, наконецъ, — оны, Иванъ Федоровичъ Горбуновъ, едвали кому

непзвѣстный на Руси, если не по живому чтенію его знаменитыхъ сценъ, то по печатнымъ ихъ сборникамъ. Горбуновъ, какъ только сѣлъ, такъ сейчасъ и заговорилъ.

— Пріѣхалъ я въ городъ Глазовъ. Пошелъ на бульваръ. На бульварѣ — клубъ, дѣтнее помѣщеніе. Буфетъ; за стойкой буфетчикъ, — засаженный, сонный, въ пиджакѣ. Рюмку водки, говорю. Молчатъ. Водки, повторяю. Это отвѣчаетъ, стоитъ пятнадцать копѣекъ. Что же, спрашиваю, впередъ деньги берете? Да, говорить, съ актеровъ... Я сильно смутился, однако спрашиваю: какъ-же вы актеровъ отличаете? — По общему...

— Иванъ Федоровичъ, а какъ вы своего двойника встрѣтили?

— Это въ Головоутиновѣ?

— Да.

— Встрѣтилъ... Пріѣхалъ я въ Головоутиновъ. Пошелъ на бульваръ. На

бульварѣ клубъ, дѣтнее помѣщеніе. На дверяхъ афиша: въ заключеніе спектакля артисты с.-петербургскихъ театровъ И. Ф. Горбуновъ прочтетъ нѣсколько сценъ своего собственнаго сочиненія. Удивился я, взялъ билетъ въ семьдесятъ копѣекъ. Сѣлъ, смотрю, жду Горбунова. Вышелъ Горбуновъ. Маленькій, карточный. Рассказываетъ, — громъ аплодисментовъ. Повторяетъ, — фуроръ. Еще, — овація... Удивляюсь! Когда кончилъ, иду къ нему въ уборную. Огарокъ горитъ, водка, огурцы. А на стулѣ въ лоскъ пыльный вартальный спитъ.

«— Позвольте, } говорю, познакомиться.

«— Очень радъ.

«— Вы—Горбуновъ?

«— Горбуновъ.

«— Давно изволите заниматься этимъ искусствомъ?

«— Порадочно.

«— Хорошее, говорю, искусство и одно вамъ стыдно: вѣдь, Горбуновъ-то и. Нехорошо дѣлаете!

Сконфузился мой двойникъ. До того смутился, что только одно сказалъ:

«— Городничему, это вѣдѣнось.

Семнадцать человекъ балетристовъ просто ушли отъ хохота. Восемнадцатый, Горбуновъ, какъ ни въ чемъ и бывало, кушалъ супъ.

Иванъ Федоровичъ кончилъ супъ и обратился къ Григоровичу:

— Дмитрий Васильевичъ, помнишь, какъ ты въ 1854-мъ году пріѣхалъ знакомиться къ Островскому?

— Въ Москву, — помню.

— Я тогда у Островскаго халъ. Ты насъ тогда поразилъ.

— Чѣмъ это?

— Я расскажу. Только ты не сердись...

— Полно, стану я сердиться! Въ тебя то ужъ никогда не разсержусь.

такимъ ранне упоминание о жизни пещарника Карацера"; Бухлин С. Дорогой Антон Павлович. Минск, 1973, с. 109-110.

— Так я расскажу, а?

И Ив. Фед. стал рассказывать:

— Островский жил тогда въ Москвѣ. Въ славѣ еще не былъ, критика его поругивала... Жилъ онъ на глухой улицѣ, во дворѣ, въ первомъ, у окна въ донѣ... Хозяйствомъ заправляла эконома, старая, толстая, живость большой, ходила на пяткахъ... Въ Москвѣ тогда просто жили; винить—водочка, закусь—огурчиномъ. Самъ Островскій ходилъ дома въ овечьихъ тулупчикѣхъ, а на ногахъ—валенки. Для техъ. Гости тоже были простые: поэтъ Ситцевскій, хорошій поэтъ, въ больницѣ потомъ померъ; поэтъ Дьяковъ; Провъ Садовскій захаживалъ, табачокъ подкалъ... Вдругъ прислуга говорить: сочинитель изъ Петербурга, Григороничъ пріѣхалъ... Мы вродѣ какъ бы маленько обмерли. Сочинитель знаменитый, греназь, да еще изъ Петербурга! Осудить!.. Ну, огурцы убрала, валенки

скинули, подъ диванъ. Просить,—входить...

Ты не сердись, Дмитрій Васильевичъ!..

— Да говорить тебѣ не сердусь!

— Ну, ладно... Входить. Пиджакъ-эдакій! Брюки-такіе! Жилеть!.. Мода! Киртыва!.. А мы—то однимъ окомъ подъ диванъ: не торчатъ ли валенки... Прическа, вотъ, какъ-то такъ! Стекло въ глазу! Не сердись Дмитрій Васильевичъ?

— Видишь, сѣдусь до ухаду!

— Ну, хорошо... Франтъ, но милый. Обласкалъ, разговорилъ, ободрилъ. Совсѣмъ имъ розоглись, но—одного не поймемъ. Не поймемъ, да и шабанъ! Сами судите: у насъ въ Москвѣ, если ты мужчина, носи сапоги, сапоги съ голенищами. А у него на ногѣ лакированные башмакъ!.. Да что башмакъ! Пушцевого шолка чулки!.. Сидеть, сидеть, да потомъ ногой какъ махнетъ,

а чулокъ какъ сверкнетъ!.. Омять сидеть, опять говорить,—да какъ махнетъ, какъ сверкнетъ!.. Просто орой-ля имъ, послѣ нашихъ-то валенокъ! А эконома-то Островскаго даже въ стыдъ пришла, не то въ негодованіе.

Красила, вскопѣла... А онъ какъ махнетъ, какъ сверкнетъ!.. Не сердись! Годубушка, Дмитрій Васильевичъ!

Но Дмитрій Васильевичъ хототалъ до слезъ. Да и всѣ хототали до того, что картофельное пюре попало въ носъ вмѣсто пищевода. Одинъ И. Ф. оставался безмятежно сповосень.

Читатель, если онъ видѣлъ Горбунова, повѣрить, что дѣйствительно такъ сѣдился; тому же, кто Горбунова не слыхивалъ, трудно описать игру физиономіи разкащика, интонаціи его голоса и повстинѣ олимпійскій конизмъ разсказа. Къ тому же, разсказывая о живыхъ лицахъ, онъ изображаетъ ихъ голосъ, лице, манеры, удивительно по-

хоже, хотя въ то же время и въ карикатурѣ. Разсказываетъ Горбуновъ, не умолкая; это обратилось у него въ потребность.

Время отъ времени онъ встаетъ и разсказываетъ стоя.

— Да садьте, Иванъ Федоровичъ!

— Миѣ такъ ловчѣе. Когда сидишь, какъ-то теченіе мыслей не то.

Скушавъ котлету съ картофельнымъ пюре, Иванъ Федоровичъ утерся салфеткой и сейчасъ же опять началъ:

— Пригласилъ однажды меня и Писемскаго къ себѣ на чтеніе князь Одоевскій, писатель-вельможа. Это ужъ лѣтъ тридцать пять тому назадъ. Вечеромъ мы и ѣдемъ, на извозчикѣ, на гитарѣ. Подъѣзжаемъ къ крыльцу,—а въ это время намъ на перерѣзъ къ тому же крыльцу—карета. Кони—черти. На колесахъ—лакей, весь въ перьяхъ, съ ладункой. Карета стала; тотъ то, что въ перьяхъ, кубаремъ свалился съ возека,

дверцы открылъ, высидилъ мужику,—мужика вошелъ. Мы—за нимъ. Мужикъ—черный, бритый, щеки синія. Всталъ въ одинъ глазъ моноколъ, вальсони. На насъ эдакъ моноколъ-то взглянулъ, на одного, потомъ на другого,—и прослѣдовалъ во внутренніе апартаменты.

— Это кто же таковъ будетъ? спрашиваетъ Писемскій у лакея.

— Посланникъ.

— Какой державы?

— Португальскій.

— Вани! говорить миѣ Писемскій.

— А что?

— Вотъ, вѣдь, бѣднавація, а горды.

Вмѣсто пищевода въ носъ слушателей попадаетъ на этотъ разъ оськъ ильи съ шампильюнами отъ рыбы.

Иванъ Федоровичъ очень вѣжливо и совершенно спокойно обращается къ босѣду.

— Будьте добры, лодвиньте миѣ горчичку. Вотъ, около васъ...

Переселенецъ.

<В. А. КИГН>